

В.Е. Козляков, доцент

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОММУНИСТОВ И НЕОНАРОДНИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В 20-е гг. XX в.

The article reveals the views of neonarodny opposition on the national question, peculiarities of its trends in Russia, Belarus, Ukraine, methods of struggle against communists.

Завершение гражданской войны и прекращение иностранной интервенции открывали возможности для строительства нового общества, с которым связывала надежды значительная часть населения многонациональной бывшей Российской империи. Однако переход от войны к миру проходил в трудных условиях. На больших пространствах России, Украины, Беларуси царили голод, разруха, вызванные мировой и гражданской войнами, иностранной интервенцией. Определенное недовольство масс, прежде всего крестьянства, вызывала и политика «военного коммунизма», во многом обусловленная не только суровой необходимостью военного времени, но и идеологией «государственного социализма», проповедуемой коммунистами. Объявленная в 1921 г. властью новая экономическая политика, рассчитанная на серьезные уступки крестьянству и другим мелким и средним производителям, несла все же в себе устойчивые «военно-коммунистические» рецидивы и не могла в одночасье дать ожидаемый эффект. Не случайно в протокольной записке тезисов выступления 27 марта 1921 г. на заседании ответственных работников секретарем ЦБ КП(б) В. Кнориным отмечалось: «Мы перед рядом всяких восстаний. Это не случайно. Переход от войны к миру, на котором можно сломать шею. Демобилизация. Война деклассировала массы, выработала технологию военную – разрушения. Общая разруха. Кубань разрушена. Украина тоже. Крестьянство было заинтересовано идти вместе с нами для свержения помещиков. Оно исполнило свою роль в революции. Это создало трудности. Никогда так не угрожала опасность диктатуре пролетариата, как теперь» [1].

Партия коммунистов понимала, что судьба строительства нового общества будет зависеть от того, как будет решаться национальный вопрос, каким образом сложатся национальные отношения, удастся ли добиться доверия между этносами, преодолеть десятилетиями существовавшую межнациональную вражду. Поэтому не случайно X съезд РКП(б) (март 1921 г.) по докладу И. Сталина принял резолюцию по национальному вопросу, в которой говорилось о необходимости скорейшего преодоления отсталости ранее угнетенных народов в области экономики и культуры. Были намечены меры дальнейшего укрепления союза и сотрудничества всех советских республик на основе добровольной советской федерации [2].

При этом, по меткому наблюдению Э. Карра, в большевистской теории национального вопроса после победы Октябрьской революции стала преобладать не идея свободы, а идея равенства [3]. Казалось, именно идея равенства (точнее сказать, преодоление неравенства) способна коренным образом решить все национальные проблемы. С одной стороны, на практике это означало, что решение многих проблем отсталых национальных районов (прежде всего восточных) будет осуществляться за счет развитых индустриальных центров и регионов, в т.ч. и Украины, которая, пожалуй, единственная из республик могла соперничать с положением и достижениями РСФСР.

С другой стороны, помощь отсталым национальным районам предполагала сосредоточение власти и административного контроля в центре, что неизбежно способствовало подчинению других наций великорусскому ядру, вокруг которого они были собраны. В этих условиях проявления бюрократического централизма стали невольно превращаться в стереотипы великорусского мышления. Бюрократический централизм стал отождествляться с великорусским державным шовинизмом, хотя в центральном аппарате власти русских насчитывалось не так много. Разумеется, подобное противоречие понимали руководители Коммунистической партии, но не могли, да и не хотели его разрешить, рассчитывая прежде всего на то, что все «спишет» необходимость классового подхода и грядущая мировая социалистическая революция, которую теперь связывали с национально-освободительным движением на Востоке.

И все же новые исторические условия диктовали необходимость перейти от системы договорных отношений между молодыми советскими республиками, в которой все больше и больше обнаруживались «нестыковки», к системе вертикали одной власти с четким разграничением полномочий центра и республик. И проект сталинской «автономизации» советских республик, и ленинская идея федерации равноправных республик, безусловно, учитывали поиски и достижения неонароднической мысли о путях и формах национально-государственного строительства. Другое дело, что сталинская «автономизация» представляла собой способ предотвращения национальной «атомизации» России в ущерб ее политическому и экономическому единству. Предлагая включение Украины, Беларуси, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, И. Сталин считал необходимым объединить республиканские наркоматы внешних дел, военного дела, железнодорожный, почт и телеграфа с аналогичными наркоматами РСФСР. Что касается наркоматов продовольствия, труда и народного хозяйства, то их предполагалось подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР. Наркоматы юстиции, просвещения, внутренних дел, земледелия, рабоче-крестьянской инспекции, народного здоровья и социального обеспечения указанных республик мыслилось оставить самостоятельными [4].

Обосновывая свой проект, И. Сталин в письме В. Ленину 22 октября 1922 г. отметил: «Мы пришли к такому положению, когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т.е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нетерпимыми, создают конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию т.н. единое федеративное народное хозяйство, тормозят и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе». Если не заменить фиктивную независимость реальной автономией, считал Сталин, то через год будет «несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик» [5]. Подобные сталинские предложения исходили из неонароднической идеологии и во многом напоминали эсеровские проекты. Тут Сталин не являлся первооткрывателем. Некоторые исследователи полагают, что сталинская «автономизация» была направлена против либерализма Ленина, «лоббируемого национал-коммунистами окраин», «против той бестолково громоздкой модели национально-государственного устройства», которую изобрел для России Ленин. Не лишено оснований и мнение о том, что ленинские слова о «новом этапе», «федерации равноправных республик» вполне вписывались в конфедеративную модель государственного устройства [6]. Тем более, что по Конституции СССР, принятой в 1924 г., за каждой из союзных республик сохранялось право свободного выхода из Союза. И все же создание СССР (можно спорить об эффективности путей и методов строительства Союза) было объективно

закономерным явлением, ибо сам объединительный процесс исходил не только из невозможности отстоять существование каждой советской республики и необходимости тесного их экономического союза для восстановления и наращивания производительных сил, но и основывался на сформировавшихся устойчивых хозяйственных и культурных связях этносов, длительно живущих вместе в условиях единого государства. Кроме того, государственная власть принадлежала Коммунистической партии, построенной на принципе демократического централизма и обеспечивавшей всеобъемлющий контроль за всеми сферами политической и общественной жизни через систему партийно-государственного аппарата. В этих условиях проблема разграничений полномочий между центром и местной властью, приобретающей национальный колорит в зависимости от региона огромной страны, отодвигалась на второй план, но не исчезала полностью, до поры до времени консервируясь в брожении потенциальных центробежных сил. Это сказывалось в разной степени в различных национальных регионах.

Сложность решения политических, социальных, экономических и национальных проблем в Беларуси была во многом обусловлена и тем, что этническая территория проживания белорусов оказалась разделенной между государствами. По условиям Рижского мирного договора (1921 г.) Западная Беларусь отошла к Польше. Значительная часть белорусских территорий (Витебская, Гомельская губернии) были включены в состав РСФСР. Усилия белорусских коммунистов, отмеченные даже острой, драматической борьбой в партийной элите, завершились тем, что в 1924 и 1926 гг. БССР были возвращены ряд уездов и волостей Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. Это создавало новые возможности для хозяйственного и культурного строительства, реализации возрожденческих принципов национальной политики.

Поставив главной задачей ликвидацию хозяйственного и культурного неравенства народов, еще XII съезд РКП(б) (1923 г.) отметил необходимость обеспечения республиканских органов широкими правами; формирования органов национальных республик главным образом из людей местных, которые бы владели языком, знали быт, обычаи народов; издания специальных законов, которые обеспечили бы употребление родного языка во всех государственных органах и учреждениях и т.д. [7]. Принятые съездом общие положения нашли свое воплощение в национальных районах в политике «коренизации» и имели под собой объективную основу.

Например, национальный состав БССР (данные на август 1922 г.) был следующим: белорусы – 74,8 %, евреи – 13,7 %, другие национальности – 11,5 %. В то же время в органах партийной и государственной власти национальности были представлены следующим образом: в составе ЦИК из 57 человек белорусов насчитывалось 19, евреев – 17, русских – 3, украинцев – 1, поляков – 6, литовцев – 2, других национальностей – 8.

В составе бюро ЦК КП(б)Б (всего 13): белорусов – 5, евреев – 6, других национальностей – 2. Из 74 членов уездных партийных комитетов белорусов было 31, евреев – 34, других национальностей – 9. Вместе с тем из 101 члена уездных исполнительных комитетов советов 77 были белорусы, 5 – русские, 18 – евреи, 4 – другие национальности [8]. Бросается в глаза одна особенность: явное преобладание евреев в партийных органах различных инстанций, являвшихся «руководящей и направляющей силой», и некоторое численное превосходство белорусов в низовых сове-

тах, находившихся, в свою очередь, под строгим контролем тех же партийных комитетов. По всей видимости, такое соотношение планировалось сохранять и в ближайшем будущем, исходя из готовившегося «резерва кадров».

Например, из 2400 членов ЛКСМБ 1426 были евреи, 902 – русские, 72 – поляки, а из 64 членов райкомов и горкомов комсомола: евреев – 41, русских – 23. Белорусов не было вообще [9]. Из 78 слушателей Центральной совпартшколы в Минске (март 1923 г.) обучалось: белорусов – 22, евреев – 45, русских – 10, литовцев – 1 [10]. Подобное преобладание евреев в партийных и комсомольских органах порождало различные кривотолки в республике, где значительное большинство составляло белорусское крестьянство, способствовало возникновению недоверия между национальностями.

Вместе с тем наблюдалась и другая особенность. В Витебской и Гомельской губерниях, не входивших тогда в состав БССР, существовало пренебрежительное отношение со стороны некоторых работников образования к белорусскому языку. Дело дошло до того, что председатель ЦИК БССР А. Червяков в мае 1921 г. вынужден был обратиться со специальным письмом в ЦК РКП(б), в котором просил сделать распоряжение местным органам Витебской и Гомельской губерний «о безусловном прекращении преследований лиц, работающих в области белорусской культуры, как явлении крайне вредном для укрепления советского строя в Белоруссии и совершенно противоречащем политике советской власти в национальном вопросе» [11].

Верность национальным идеям некоторых белорусских коммунистов (В. Игнатовского, А. Червякова, А. Бурбиса, А. Жилуновича и др.) дала повод уже тогда отдельным ретивым «интернациональным» представителям из аппарата ЦК РКП(б) отметить «уклон культурно-национального возрождения в сторону буржуазно-демократического национализма». Так, уполномоченный ЦК РКП(б) В. Асаткин-Владимирский в отчете своему начальству (август 1922 г.) рекомендовал «обновить руководителей ЦИК и Совнаркома Белорусской республики за счет более испытанных и выдержанных работников». Это, по его мнению, «и облегчило бы работу руководящих органов Компартии Белоруссии, и уничтожило бы невидимую духовную спайку в национальной идее между белорусскими коммунистами и народнической антисоветской интеллигенцией» [12].

Подобные сигналы тогда, к счастью, не были услышаны в Москве. Но их, судя по всему, не забыли. А в 1923 г. на высоких партийных форумах речь шла все же о том, как ликвидировать отсталость многих национальных районов и включить в строительство нового общества коренное население. Вот почему решение о проведении политики коренизации родилось не на пустом месте.

В Беларуси этот курс получил название «белорусизация». Под белорусизацией понималось: развитие национальной культуры; выдвижение представителей белорусской национальности в партийные, советские, хозяйственные и профсоюзные органы; широкое внедрение белорусского языка в государственную и общественную жизнь. Политика белорусизации была тесно связана с решением культурно-национальных проблем национальных меньшинств (евреев, поляков, литовцев и др.), проживавших в Беларуси [13]. Несмотря на ошибки и трагический финал, политика белорусизации, безусловно, способствовала национальному возрождению белорусского народа.

Трудности перехода к мирному строительству, сложность и масштабность проблем, стоявших перед правящей партией, добившейся практически монопольной власти, создавали почву для активной деятельности различных оппозиционных группировок, в т.ч. неонароднических. В центре политической борьбы стояли не только полити-

ческие, экономические и социальные вопросы, но и национальные. Ситуация в национальных регионах осложнялась тем, что социально-экономические проблемы самым тесным образом переплетались с национальными. Этим не преминули воспользоваться неонароднические группировки, пытавшиеся активизировать свою деятельность.

В начале 20-х годов в неонародничестве просматривались три течения. *Первое*, основываясь на эсеровской ортодоксии, заняло непримиримую позицию в отношении большевистской власти, вплоть до организации вооруженных выступлений, реанимируя тем самым старые традиции эсеровского терроризма. *Другое* течение, стремясь дистанцироваться от радикальных неонародников, пыталось занять нишу «конструктивной оппозиции», отказавшись от вооруженной борьбы с Советской властью. Приверженцы этого течения надеялись путем пропаганды и агитации, другими политическими методами завоевать на свою сторону большую часть населения и попытаться изменить систему власти. Наконец, *третье* течение было представлено группой неонародников, которые, занимая в целом критическое отношение к политике большевиков, готовы были, при определенных условиях, сотрудничать с правящей партией. Подобный расклад сил в неонародничестве в начале 20-х годов сказался и на позициях его приверженцев в национальном вопросе.

Первое течение составили правые эсеры и тяготевшие к ним близкие по духу группировки. Конференция социалистов-революционеров, состоявшаяся в сентябре 1920 г., указала на «неизбежность в будущем возобновления партией вооруженной борьбы с большевистской властью». Очередной задачей партии, говорилось в резолюции конференции, является «работа по организации народных активных сил» [14]. В директиве о тактике ПСР от 25 февраля 1921 г. эсеровский ЦК выдвинул лозунг «решительного преодоления большевистской диктатуры» и дал указания местным организациям об усилении вооруженной борьбы и создании на освобожденной территории «органов демократической государственности» [15]. Состоявшийся в июле-августе 1921 г. в Самаре X Совет ПСР еще раз подтвердил взятый курс эсеров. В его решениях говорилось, что «вопрос о революционном низвержении диктатуры Коммунистической партии со всей силой железной необходимости ставится в порядок дня, становится вопросом существования российской трудовой демократии» [16].

Вопрос о необходимости вооруженной борьбы с большевиками правые эсеры пытались обосновать и с точки зрения реальных перспектив межнациональных отношений. Резолюция, принятая в Париже в январе 1921 г. съездом бывших членов Учредительного собрания, гласила: «Пока над Россией тяготеет режим большевизма, до тех пор не может определиться и вылиться в реальные формы тяготение окраинных государств к России». Составители резолюции полагали, что «после ликвидации большевистской диктатуры и установления в России народовластия неизбежно выяснится общность социально-политических и культурных интересов, диктующих экономическое и политическое сближение, равно выгодное и даже необходимое для обеих сторон». Наиболее целесообразной формой этого сближения бывшие депутаты Учредительного собрания по-прежнему считали федеративное объединение [17].

Резолюции и постановления своих организаций правые эсеры стремились воплотить в конкретные действия. Однако их соратники на местах были немногочисленны и нерешительны. Большую активность стали проявлять те деятели, которые порвали с эсеровской партией, но сохранили склонность к неонародническим взглядам.

В июле 1920 г. бывший эсер, исключенный из партии за связь с корниловцами еще в сентябре 1917 г., Б. Савинков в Польше создал так называемый Русский полити-

ческий комитет (РПК). Разумеется, РПК потребовалась армия, деньги на содержание которой охотно выделили правительства Франции и Польши. Но сам Савинков нуждался в помощниках и военной силе. Такая помощь ему была оказана со стороны генерала С. Булак-Балаховича, разочаровавшегося в свое время в Красной Армии и перешедшего на сторону Рады БНР. Но, видимо, споры и словоблудие деятелей БНР Балаховичу надоели, и он довольно быстро принял польскую ориентацию, одновременно сблизившись с Савинковым.

Вскоре в Варшаве было создано очередное «белорусское правительство», именовавшееся Белорусским политическим комитетом, выступившим за автономную Беларусь под польским протекторатом. В договоре, заключенном этим комитетом с Б. Савинковым и С. Булак-Балаховичем, последние обещали признание «самостоятельности» Беларуси будущим «русским Учредительным собранием» [18]. Оба деятеля, решив не откладывать «дела в долгий ящик», начали готовить совместный поход. При чем Балаховичу Пилсудским ставилась задача осенью 1920 г. захватить Минск [19]. В этих целях с помощью Польши и на ее территории под командованием Булак-Балаховича была сформирована Русская Народная Добровольческая Армия (РНДА), куда входили «белорусские отряды, поставившие себе целью свержение власти большевиков и освобождение самостоятельной Белоруссии» [20]. В программе РНДА, объявленной Балаховичем, говорилось: «Мы предлагали конфедеративное сотрудничество национальностям, вовлеченным в борьбу с большевиками, на началах полной свободы, самоопределения и широкого проявления национальной инициативы, зная, что братская терпимость лежит в основе русского народного духа... Мы стремимся не к завоеванию России силой, а к «уничтожению понятия «Советская Россия», которая является плодом самодержавной тирании захватчиков власти» [21].

До Минска балаховско-савинковским отрядам дойти не удалось. Однако Мозырь и некоторые другие населенные пункты юга Беларуси подверглись их жестокому террору и разграблению. Вскоре балаховцы и савинковцы вынуждены были бежать назад, к советско-польской границе. Память о себе в конце 1920 г. они оставили зловещую: 174 разрушенных населенных пункта, 1100 человек убитыми и 150 ранеными – таков печальный итог совместной «освободительной миссии» Балаховича-Савинкова [22].

На крови людей, убитых его приспешниками, Балахович стремился утвердить белорусскую государственность. После захвата Мозыря генерал раскрыл свои политические планы. В противовес намерению Савинкова он с 12 ноября 1920 г. начал в Мозыре издавать политические акты и приказы, направленные на создание «белорусского независимого государства», объявив себя «начальником Белорусского государства». В Мозырь, занятый балаховско-савинковскими отрядами, из Варшавы прибыли члены Белорусского комитета В. Алексюк и В. Адамович, которые заключили с Булак-Балаховичем и Савинковым договор о признании Русской добровольческой армией независимости Беларуси с «последующим соглашением Учредительными собраниями России и Беларуси окончательной формы взаимоотношений». Булак-Балахович назначил Алексюка председателем своего «правительства», а эмигрантские «правительства» В. Ластовского и А. Луцкевича, а также правительство БССР А. Червякова в Минске объявил «свергнутыми» [23].

Злодеяния балаховцев и савинковцев вызвали возмущения и протесты среди деятелей, вначале симпатизировавших генералу и бывшему эсеру. Например, Рада, сформированная в ноябре 1920 г. на съезде представителей волостей и местечек Случчины и ориентировавшаяся на БНР с идеей «незалежнасці Беларусі», приняла 30 января 1921 г.

резолюцию, в которой Булак-Балахович был назван авантюристом и предателем, компрометирующим государственное дело [24].

Не остался в долгу и сам Булак-Балахович. В начале 1921 г. «батька», так его величали, издал «декрет», в котором все повстанческие группы, находившиеся на территории Беларуси, а также регулярные войска объявлялись под его командованием.

«Из всех правительств, которые именуют себя Белорусскими правительствами, — говорилось в «декрете», — будет признано то, которое опирается на белорусское крестьянство, вместе с народом делит его тяжелую долю» [25].

Неудачные действия в Беларуси своих соратников заставили задуматься и Б. Савинкова. Он намеревался крестьян привлечь не социализацией земли, как когда-то планировали эсеры, а безоговорочным признанием мелкой крестьянской собственности, мирного труда, мирного обогащения [26].

Не мог пройти Савинков и мимо проблем национальных отношений. Вместе со своими единомышленниками в 1921 г. он в Варшаве выпустил специальный сборник статей по национальному вопросу. Основная мысль авторов прослеживается довольно ясно: до тех пор, пока в России правят коммунисты, нельзя говорить о самоопределении народов. Падение большевистского строя, пророчески вещали авторы, неизбежно приведет к признанию независимости не только Эстонии, Латвии, но и Украины, Беларуси и т. д. Но Савинков все же считал, что ввиду сложившихся веками хозяйственных и культурных связей эти народы после обретения своей независимости могут и должны объединиться в единый союз. Этот союз представлялся Савинкову то в виде «будущего Русско-Украинско-Белорусского (Славянского) государства», то «будущих Соединенных Штатов Востока Европы», построенных на признании права на самоопределение народов, на началах «равноправного свободного договора» [27].

У Савинкова были смутные представления, каким образом построить такой союз, каким должен быть союзный договор, ибо антибольшевистский синдром заставлял его мысль двигаться в одном направлении: поддержка любых национальных деятелей, придерживавшихся даже противоположных взглядов, поощрение сепаратизма. Главное для Савинкова — сокрушить советские республики, а там, дескать, посмотрим. Он скептически относился к идее федерации, считая, что ни один из «окраинных» народов на нее не согласится. Поэтому будущий союз ему представлялся на зыбкой конфедеративной основе.

Будучи в Польше, Савинков в своих теоретических изысканиях не обошел вниманием и Беларусь, посвятив ей специальную статью. Здесь, считал автор, политические течения многочисленны и запутанны. Поскольку было достигнуто соглашение между Русским и Белорусским политическими комитетами о совместных действиях, постольку Савинков не мог ответить отрицательно на вопрос о независимости Беларуси, дабы не ссориться с национальными деятелями. «Кто признает независимость Латвии, Эстонии, Грузии, Украины, тот должен неизбежно признать право на независимость и младшей ветви русского племени — народа белорусского. Третьего не дано» [28]. В этих высказываниях можно усмотреть влияние «западнорусизма». Но Савинков решительно отвергает бытовавший у многих сторонников «единой и неделимой» стереотип о том, что белорусский язык — не язык, а исковерканное наречие русского [29].

Вновь возвращаясь к идее возможного объединения в будущем в Восточно-Европейские Соединенные Штаты отделившихся народов, Савинков обратил внимание на понимание белорусским народом того, что насущнейшие экономические и полити-

ческие интересы связывают его (народ) с Москвой. «Но белорусский народ желает сам распоряжаться судьбами своего государства, желает сам добровольно, без чьего бы то ни было понуждения, заключить с нами союз либо отвергнуть его; признать свою связь с Россией либо отвергнуть ее. Это желание законно, – подчеркнул Савинков. – Более того, это желание не противоречит ни идее Российской государственности, ни правам великорусского народа» [30].

Савинков не сомневался, что «если в Москве усилиями великороссов установится прочный демократический, истинно народный, не посягающий ни на чьи права государственный строй, то не может подлежать никакому сомнению, что независимые окраинные государства, в том числе и Белоруссия, в своих собственных интересах войдут в добровольное соглашение с Москвой» [31]. Но, разумеется, только без большевистской власти.

Если отбросить антикоммунистические штампы того времени, то нетрудно увидеть немало рациональных идей в рассуждениях Савинкова: идея союза равноправных народов, учет исторически сложившихся экономических и культурных связей, стремление все же дистанцироваться от великодержавного шовинизма монархистов. Здравый смысл брал порой верх даже у закоренелого террориста. Однако подобные идеи Савинкова должны были служить одному – объединению всех антибольшевистских сил. Жажде власти, политическим амбициям были подчинены все помыслы и поступки таких деятелей, как Савинков.

Сделав ставку на крестьянскую войну против большевиков, Б.Савинков в январе 1921 г. возродил на базе Русского политического комитета так называемый Народный союз защиты родины и свободы (НСЗРС). Союз был задуман как широкое непартийное объединение, готовое включить в свой состав самые разнородные силы – от правых социалистов до монархистов. В основе программы НСЗРС лежала непримиримая вооруженная борьба с советской властью, после свержения которой предполагалось установление народовластия и правового демократического строя, основанного на свободе торговли и промышленности [32].

Получив очередную помощь от Польши и Франции, Савинков и Булак-Балахович начали новые военные действия на советской территории. В начале 1921 г. число савинковских и балаховских отрядов даже увеличилось. Это объяснялось тем, что у многих рабочих и крестьян росло недовольство произволом некоторых новоявленных чиновников от советской власти. На словах эти типичные представители «комчванства» провозглашали коммунистические лозунги, на деле демонстрировали свою исключительность и нахрапистость и не брезговали в выборе средств против тех, кто возмущался их откровенно шкурническими поползновениями. Кроме того, сказывались старые последствия политики «военного коммунизма». Все это давало возможность савинковцам и балаховцам поначалу безнаказанно грабить и убивать население.

Однако против них были брошены красноармейские части. Уже к осени 1921 г. значительная часть савинковских и балаховских отрядов была разгромлена [33].

Погромы и зверства отрядов Савинкова и Булак-Балаховича вызвали возмущение и протесты среди белорусских деятелей. Значительная их часть вынуждена была дистанцироваться от бывшего эсера и «главнокомандующего белорусских войсковых сил». Состоявшаяся в сентябре 1921 г. в Праге конференция (совещание) белорусских национальных партий приняла специальную резолюцию, в которой С.Булак-Балахович был назван узурпатором и авантюристом, не имеющим никакой поддержки со стороны белорусских и политических организаций. «Звязаўшы сваё імя з беларускім

асвабадзіцельным рухам, ён (Балаховіч) дагэтуль не ачысціў сябе ад пазоручых беларускае імя абвінавачанняў у жыдоўскіх пагромах і грабежаствах», - гаворылось в резолюции [34].

Специальной резолюции конференции была «удостоена» и «чыннасць» Савинкова. «Прымаючы пад увагу, што Савінкаў выступае за граніцай ад імені Беларусі і беларускім нацыянальным штандартам прыкрывае авантуры польскай і расійскай рэакцыі, арганізуючай на тэрыторыі усходняй Беларусі жыдоўскія пагромы і правакацыйныя паўстанні, а ў заходняй Беларусі абрусіцельнай працай, - гаворылось в резолюции, – Беларуская Нацыянальна-Палітычная Нарада ў Празе зазначае, што Савінкаў не мае ніякай з’вязі з беларускімі палітычнымі і нацыянальнымі арганізацыямі і з’яўляецца правакатарам беларускай дзяржаўнасці і ворагам беларускага народу» [35].

Советское правительство неоднократно требовало от польских властей выдворения с территории Польши Савинкова, Булак-Балаховича и их соратников. Поскольку ноты Советского правительства становились все более требовательными, а в эмигрантских кругах росло недовольство тем, что деятельность балаховских и савинковских отрядов могла отождествляться с позицией всей эмиграции, польские власти вынуждены были, наконец, принять решение о принудительном выселении Савинкова и некоторых его ближайших помощников. В конце октября 1921 г. они покинули Польшу. Что касается Булак-Балаховича, то с ним польские власти обошлись милостиво. Он был зачислен в польское войско как генерал бригады, а затем стал председателем «Союза бывших участников национальных восстаний».

Оппозиционные выступления 1921 г., крестьянские восстания, действия савинковцев и балаховцев не на шутку встревожили руководящее ядро большевистской партии, стремившейся упрочить свою власть. Вооруженная борьба антибольшевистских сил, в том числе приверженцев неонароднической идеологии, послужила поводом для решительного наступления правящей партии на оппозиционные группировки с целью их окончательной дискредитации и разложения. При этом ответственность за все выступления была возложена на происки «враждебных сил» – меньшевиков и эсеров. В декабре 1921 г. по предложению председателя ВЧК Ф. Дзержинского ЦК РКП(б) принял решение провести открытый процесс над эсерами [36]. Обращает на себя внимание тот факт, что решение о привлечении к судебной ответственности одной партии принимает центральный орган другой партии, превращая тем самым судебный процесс в правовой фарс, в процесс политический.

Судебному процессу над эсерами, состоявшемуся в июне-августе 1922 г., предшествовала широкая агитационно-пропагандистская кампания в стране. Ее направлял отдел агитации и пропаганды ЦК РКП(б), который издал тезисы, разослал инструктивное письмо губкомам, организовал через издательство «Красная новь» выпуск 12 брошюр по истории партий эсеров и меньшевиков (А.В. Луначарского «Бывшие люди», В.А. Мещерякова «Партия эсеров», Ю. Стаклова «Партия социалистов-революционеров» и др.) [37].

К антиэсеровской кампании подключился агитпроп ЦК КП(б) Беларуси. На заседании его коллегии 16 мая 1922 г. было решено освещать суд над эсерами в печати, провести собрания среди рабочих, организовать несколько лекций для членов комсомола и КПБ «по вопросу о партии эсеров» [38].

Готовившийся процесс над эсерами вызвал серьезное беспокойство у западной социал-демократии. Н. Бухарин еще в апреле 1922 г. пообещал в Берлине на встрече

представителей Коммунистического и Социалистического Интернационалов, что суд будет объективным и, главное, смертной казни не будет.

Тем не менее Верховный трибунал приговорил 15 активных членов эсеровской партии к расстрелу (президиум ВЦИК сначала отменил исполнение приговора на неопределенное время), 10 подсудимых – к различным срокам тюремного заключения. В январе 1924 г. президиум ЦИК СССР вновь рассмотрел вопрос об осужденных эсерах и заменил осужденным высшую меру наказания – расстрел – лишением свободы сроком на пять лет; остальным осужденным сократил срок лишения свободы наполовину [39].

Проведение показательного процесса над правыми эсерами не принесло желаемых результатов правящей партии. Поставленные цели были достигнуты лишь частично. Разумеется, процесс размежевания в неонароднических группах, действовавших на территориях Беларуси, России, Украины, пошел быстрее. Некоторые из них прекращали свою деятельность вообще. Однако отождествление террористической деятельности правых эсеров с деятельностью всех приверженцев неонароднической идеологии вызвало осуждение и возмущение международной социал-демократии и не принесло желаемых результатов правящей партии. Поэтому не случайно коммунистическое руководство отказалось, по крайней мере на время, от так называемых показательных, гласных процессов над конкретными оппозиционными партиями. Кроме того, суд над правыми эсерами усугубил раскол коммунистов с международной социал-демократией. Усугублявшееся взаимное недоверие коммунистов и социал-демократов в конце концов привело к тому, что возможность создать в конце 20-х годов единый демократический фронт против нарождавшегося фашизма была упущена.

В начале 20-х годов, как было отмечено выше, заявило о себе и *другое* течение неонародников, которое, дистанцируясь от правых социалистов и признавая недопустимость вооруженной борьбы против большевиков, стремилось занять нишу так называемой «конструктивной оппозиции» властям. Но и это течение не являлось однородным, включало в себя группировки с различными оттенками и нюансами неонароднической палитры. Пытались активизироваться деятели «меньшинства партии социалистов-революционеров» – группы «Народ». Еще на VIII Всероссийском съезде Советов они потребовали снятия ограничения с легальной деятельности оппозиционных партий, уравнивания прав рабочих и крестьян, пропагандировали идею «трудовластия», доказывали необходимость передачи значительной части предприятий в частную собственность, ликвидации коммун и совхозов [40].

Несколько другой точки зрения придерживались левые эсеры. Состоявшаяся 6–7 июня 1922 г. Всероссийская конференция партии левых эсеров квалифицировала новую экономическую политику Советского правительства как меру государственного и даже частного капитализма. Было заявлено, что руководящими идеями партии остаются: союз трудового крестьянства с пролетариатом, социализация земли и фабрик, разгрузка государства от хозяйственных функций, синдикатно-кооперативная федерация, политическое полновластие свободных Советов, отмена смертной казни, федерализм политического и хозяйственного строительства, непримиримая международная политика [41].

Новый проект программы левых эсеров представлял соединение левонароднических идей с синдикалистскими установками децентрализации народного хозяйства, передачи управления производством профсоюзам, а функции распределения – кооперации [42].

Подобные идеи разделялись и эсерами-максималистами. Поэтому в сентябре 1922 г. произошло слияние левых эсеров с максималистами в «Объединение партии левых с-р и союза максималистов». В декларации новой организации провозглашался отказ «от борьбы за власть для себя» и в качестве главной задачи ставилась «борьба за дальнейшее легальное закрепление левонароднических организаций». Ее экономическая программа предусматривала сокращение промышленного производства до размеров емкости сельскохозяйственного рынка, уменьшение объема кредитования промышленности с тем, чтобы высвободившиеся средства направить в сельское хозяйство, восстановление «вольной кооперации», допущение торговли с границей.

В политической области декларация предлагала восстановить полновластные Советы равноправных трудовых крестьян и рабочих, требовала свободы слова, печати, собраний. Вместе с тем создатели объединения вынуждены были признать, что у них нет опоры в массах [43]. Действительно, в Беларуси и Украине их влияние практически не ощущалось.

В этих регионах более заметной была деятельность представителей национально-неонародничества, хотя их судьба складывалась по-разному. Под давлением советских властей значительная часть белорусских и украинских эсеров вынуждена была эмигрировать. Некоторые деятели остались, пытаясь использовать легальные возможности.

Часть белорусских эсеров, оставшихся на родине, считала, что их основная задача – «змаганне за незалежную Беларускаю Сацыялістычную Радавую Рэспубліку», которая должна войти в союз с соседними социалистическими республиками как равная с равными. Однако белорусские эсеры считали, что для достижения социалистического строя необходимо установить на Беларуси диктатуру (верховенство) трудового крестьянства и рабочих в виде трудовых Советов [44]. Занимая подобные позиции, эта часть белорусских эсеров стала склоняться в итоге к сотрудничеству с коммунистами. Однако подобные «сигналы» в тот момент не были услышаны правящей партией. Более того, в феврале 1921 г. ОГПУ арестовало 860 активных членов БПСР, в т.ч. членов ЦК и Минского губкома. Среди арестованных были П.Бодунова, Я.Мамонько, неоднократно искавшие контакты с коммунистами для сотрудничества, но имевшие несколько другую точку зрения на содержание политики властей в БССР. Позже они были выпущены на свободу, но также вынуждены были уехать из БССР. И все же процесс дальнейшего левления этой части неонародничества был необратимым.

Более сложные процессы происходили в украинском неонародничестве. Возникнув в 1919 г. на основе идеологии украинских социалистов-революционеров, Украинская коммунистическая партия (УКП), представлявшая своеобразную легальную национал-коммунистическую оппозицию, претендовала, используя кредо «боротьбизма», на руководство «украинской революцией». В программе УКП, принятой в 1920 г., говорилось об аграрном характере и неразвитости экономической и национально-культурной жизни Украины, «совершенно иных материальных обстоятельствах, чем в России» [45].

В связи с образованием СССР в июне 1923 г. УКП приняла специальную декларацию. Отметив, что образование Союза ССР является «шагом вперед в осуществлении марксистских принципов постановки и решения национально-колониального вопроса», ЦК УКП вместе с тем вновь выдвинул идею диктатуры пролетариата колоний (так по терминологии УКП назывались советские республики) «через соответствующие центры», такие, как украинское государство; единая Коммунистическая партия на Украине

как равноправная секция Коминтерна; Украинская Красная Армия; Всеукраинский профсоюзный центр с прямым вхождением в Профинтерн; самостоятельные наркоматы. Предполагалось ограничение союзных органов функциями «регулирования» и предоставление «союзным республикам полноты прав в деле непосредственного управления – административно-политического, экономического и культурного» [46].

К сожалению, подобные конструктивные предложения У КП не вызвали большого восторга у российских большевиков. На партию обрушились удары политического, идеологического и административного воздействия. Часть членов У КП попыталась сохранить представительство партии в Коминтерне. Однако комиссия Коминтерна в декабре 1924 г. пришла к выводу, что претензии У КП необоснованны, и предложила партию распустить, а ее членам вступить в КП(б)У. В марте 1925 г. IV съезд У КП после острой идейной борьбы принял решение «считать... У КП как отдельную партию распущенной» [47].

Наблюдались и иные тенденции. Испытав разочарование методами правых, убедившись в трагических последствиях их экстремистских действий, находясь под постоянным давлением правящей партии, часть неонародников составила *третье* течение, которое порывало со своими организациями и переходило на сторону коммунистов. В первую очередь эти тенденции проявились в эсеровских организациях. В декабре 1922 года инициативная группа образовала Центральное бюро по созыву съезда бывших эсеров.

В различных районах бывшей Российской империи и крупных городах Украины, Сибири, Урала, Поволжья были образованы областные группы, проведены местные конференции и избраны делегаты на съезд. 18 марта 1923 г. открылся Всероссийский съезд бывших эсеров. 45 делегатов представляли почти 1000 бывших эсеров, составлявших в прошлом костяк партии. Были заслушаны доклады «О роли партии эсеров в русской революции», «О текущем моменте». Делегаты осудили идеологию, теоретические ошибки и практическую работу эсеров. Съезд постановил: 1. Считать, что партия эсеров разложилась и сошла с исторической арены революционно-социалистической борьбы. 2. Что руководящие деятели за границей, изменив революционному делу, не имеют права выступать от лица несуществующей партии. Делегаты призвали всех верных революционным традициям объединиться на платформе РКП(б) и III Интернационала. Всероссийский съезд бывших эсеров объявил партию распущенной.

Исполнительная комиссия съезда официально уведомила XII съезд РКП(б) о решениях эсеровского форума и просила рассмотреть вопрос о возможности вступления 900 старейших работников ПСР в ряды РКП(б). XII съезд РКП(б) поручил ЦК рассмотреть вопрос об условиях приема в партию коммунистов бывших эсеров. Благожелательное, по крайней мере в то время, отношение РКП(б) к бывшим эсерам ускорило развал организаций социалистов-революционеров [48].

В 1923-1924 гг. большевистская партийная печать помещала много заявлений бывших эсеров, меньшевиков, поалей-цианистов, мотивировавших свой выход из партий. В декабре 1923 г. состоялся съезд бывших эсеров Гомельской губернии, который объявил всю деятельность собственной партии с момента Октябрьской революции преступной и призвал всех честных эсеров стать безоговорочно в ряды III Интернационала [49].

Стремясь ускорить процесс распада оппозиционных организаций и склонить в свою сторону колеблющиеся элементы, Президиум ЦИК СССР и Президиум ЦИК БССР издали в июне 1923 г. постановление, согласно которому участникам антисовет-

ских национальных белорусских формирований периода 1918, 1919 и 1920 годов предоставлялась амнистия. Однако амнистия не распространялась на деятелей, активно участвовавших «в рядах савинковских, балаховских и пр. белогвардейских организаций» [50].

Подобные меры заставили многих белорусских неонародников, не разделявших позиции коммунистов, задуматься о целесообразности своей дальнейшей оппозиционной деятельности.

Испытывая разного рода колебания и сомнения, некоторые белорусские эсеры (М. Маркевич, Е. Трофимов), находившиеся в БССР, обратились в октябре 1923 г. к своим бывшим соратникам по партии, оказавшимся за границей, за советом насчет перспектив сотрудничества с коммунистами. Ответ Т. Гриба в декабре 1923 г. был категоричным: в БССР «утвердилась не диктатура пролетариата, которого в Белоруссии нет, так как десятка два-три еврейских приказчиков-спекулянтов не составляют пролетариата, а над пролетариатом и крестьянством утвердилась диктатура Компартии в виде самодержавия» [51]. И все же часть белорусских эсеров безоговорочно стала на путь сотрудничества с Компартией.

В июне 1924 г. собрался съезд бывших белорусских эсеров, на котором присутствовал 41 делегат. С докладом выступил один из известных в прошлом деятелей партии Е. Трофимов, подвергший резкой критике деятельность правого крыла партии во главе с В. Ластовским. По словам Е. Трофимова, главная ошибка состояла в том, что партия поддержала Раду народных министров, которая искала пути сотрудничества с поляками, вместо того чтобы создать революционный комитет, который взял бы на себя «боевое руководство стонущими под панским ярмом трудящимися массами». Затем, говорил докладчик, эта Рада, выехав за кордон, «потеряла связь с партией, сбилась с революционного пути и начала искать спасение для белорусского трудящегося люда у буржуазных властителей Запада» [52]. Резолюция съезда, констатируя полный распад и бессмысленность существования партии, объявила о ее ликвидации. Было отмечено также, что проводимая Компартией политика «цалкам задавальняе сацыяльныя і нацыянальныя запатрабаванні працоўнага люду Беларусі» [53]. Разумеется, такая резолюция была принята не без давления со стороны коммунистов.

Следует отметить, что некоторые бывшие приверженцы неонароднической идеологии были приняты в ряды Компартии, причем играли в ней далеко не последние роли. Так, выступая 9 ноября 1925 г. на конференции коммунистического студенчества и учительства вузов и рабфаков, секретарь ЦК КП(б)Б А. Криницкий отмечал, что в КП(б)Б 12,3 % членов – выходцы из других партий. «В центральном активе – 45 % товарищей, бывших в других партиях, в окружном активе – 26 %», – подчеркнул А. Криницкий [54].

Безусловно, опыт и знания выходцев из других партий поначалу в полной мере были востребованы правящей партией. Однако внутривнутрипартийная борьба за власть, разгоревшаяся в 20-е годы, в итоге привела к тому, что многие вчерашние приверженцы социализма стали жертвами сталинских репрессий. В судебных разбирательствах, которые были устроены «тройками» в 30-е годы, поводом для жестоких обвинений зачастую становились факты пребывания обвиняемых в эсеровских, меньшевистских, бундовских организациях. Возможный многоплановый поиск новых идей по строительству нового общества, в т.ч. решению национальных проблем, был пресечен носителями догматических принципов «государственного социализма».

Таким образом, активность праворадикальной части неонародничества в 20-е годы, которая часто переходила в открытые вооруженные выступления против большевистской власти, не только получала адекватный ответ, но и давала повод правящей партии усиливать репрессии и гонения против всех приверженцев неонароднической идеологии, против любой оппозиции. С одной стороны, подходя с мерками «контрреволюционности» ко всем своим политическим оппонентам, Коммунистическая партия тем самым лишала себя возможности внимательно проанализировать и учесть конструктивный теоретический и практический багаж неонародничества с перспективой его дальнейшего использования. С другой стороны, неонароднические группировки в 20-е годы, борясь с новым «самодержавием большевиков», не могли заняться новыми продуктивными поисками в теории и практике решения национального вопроса. Их рассуждения и «прожекты» не выходили за рамки старых федеративных и конфедеративных мечтаний с данью моде национальной независимости, идеям культурно-национального автономизма. Основные их помыслы были связаны со стремлениями добиться собственной власти, без большевиков. Для достижения этой цели они готовы были, во-первых, пойти на союз со своими вчерашними противниками – монархистами, а во-вторых, в полной мере использовать ресурс «национального эгоизма». Подлинное решение национальных проблем отходило на второй план и связывалось лишь с падением власти большевиков.

Те неонародники, которые сохраняли приверженность своей идеологии, но осуждали экстремистские действия против властей, все же в большей степени склонялись к сотрудничеству с большевиками. В итоге – распад неонароднических организаций и их уход с политической арены внутри страны. Тем не менее опыт неонароднической оппозиции весьма поучителен и свидетельствует о том, как важно различным политическим силам научиться слушать друг друга. В этом – залог общего движения народа к прогрессу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов Р.П. Беларусь у міжваенны перыяд // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мн.: Беларуская Энцыклапедыя, 2000. – С.125.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр– М.: Политиздат, 1983.
3. Карр Эдуард. История Советской России. Кн.1. – М.: Прогресс, 1990. – С. 288.
4. Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками, предложенный И.В.Сталиным // Известия ЦК КПСС– 1989. – № 9. – С.192.
5. Письмо И.В.Сталина В.И.Ленину 22 сентября 1922 г. //Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9. – С. 198-199.
6. Политическая история. Россия–СССР–Российская Федерация. – М.: Терра, 1996. – Т.2. – С. 295, 297.
7. КПСС в резолюциях и решениях. – Т.3. – С.86.
8. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (в дальнейшем РЦХИДНИ). Ф.17, оп. 60, д. 294, л. 14, 19, 21, 37.
9. Там же, л.44.
10. Там же , д. 566, л. 76.
11. Там же, д. 989, л. 7, 11-12.
12. Там же, д. 294, л. 34.

13. Подробнее см.: Кароль А. Беларусізацыя – палітыка нацыянальнага адраджэння // Крыжовы шлях. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. – Мн.: Згода, 1993. – С. 118-164.
14. Революционная Россия. 1920. – № 1. – С. 32.
15. Непролетарские партии России. Уроки истории. – М.: Мысль, 1984. – С. 493.
16. Там же, с. 493.
17. Воля России. 1928. VII. Июль. – С. 94.
18. Хохлов А.Г. Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918-1925 гг. – Мн.: Беларусь, 1961. – С. 73.
19. Архівы БНР. – Вільня-Нью-Ёрк-Менск-Прага, 1998. – Т.1, кн. 2. – С. 910.
20. НАРБ. Ф. 60, оп. 3, д. 767, л. 2.
21. Там же, л. 4.
22. Подробнее см.: Козляков В. Белорусская «карта» Савинкова // Политический собеседник. – 1991. – № 5. – С. 34-35.
23. Грыцкевіч А.П. Булак-Балаховіча паход 1920 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мн.: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – Т.2. – С. 122.
24. Архивы БНР. – Т.1, кн. 2. – С. 1026.
25. Там же, с. 1016.
26. Жуков Д., Савинков Б., Ропшин В. Террорист и писатель // Наш современник. – 1990. – № 10. – С. 137-138.
27. Савинков Б.В., Философов Д.В., Ульяницкий В.В. Статьи по национальному вопросу. – Варшава, 1921. – С. 32.
28. Там же, с. 38.
29. Там же, с. 39.
30. Там же, с. 39.
31. Там же, с. 40.
32. Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924 гг.). – Л.: Изд. Ленинградского университета, 1978. – С. 48.
33. Хохлов А.Г. Указ. соч. – С. 67-122.
34. Архівы БНР. – Т.1, кн. 2. – С. 1221.
35. Там же, с. 1221-1222.
36. Становление и крушение однопартийной системы в СССР. – Гомель, 1994. – С. 23.
37. Барихновский Г.Ф. Указ. соч. – С. 131.
38. РЦХИДНИ. Ф.17, оп. 60, д. 302, л. 13.
39. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. – М.: Изд. политической литературы, 1976. – С. 572-575.
40. Непролетарские партии. – С. 495.
41. РЦХИДНИ. Ф. 564, оп. 1, д. 9, л. 9-11.
42. Непролетарские партии. – С. 495.
43. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. – М.: Мысль, 1975. – С. 369.
44. Змаганьне. Орган ЦК Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў. – 1920. – 6, 10, 14, 18, 28 лістапада.

45. Курас И.Ф. Творчество пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине. – Киев: Наукова думка, 1978. – С. 240-242.
46. Курас И.Ф. Указ. соч. – С. 297.
47. Непролетарские партии. – С. 526.
48. Барихновский Г.Ф. Указ. соч. – С. 135-136.
49. Малашко А.М. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. – Мн.: Изд. БГУ им. В.И.Ленина, 1969. – С. 290-291.
50. Король А.С. Белорусизация: 20-30-е гг. //Страницы истории Компартии Белоруссии: суждения, аргументы, факты /Сост. Ю.П.Смирнов, Н.С.Сташкевич. Под ред. П.П.Платонова. – Мн.: Университетское, 1990. – С. 163.
51. НАРБ. Ф. 60, оп. 3, д. 800, л. 11.
52. Там же, д. 748, л. 104.
53. Там же, д. 798, л. 34.
54. НАРБ.Ф. 4, оп.7, д. 82, л. 32.

УДК 947.6

В.С. Леоненко, доцент

СОЦИАЛЬНАЯ И ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В 70-е – ПЕР. ПОЛ. 80-х гг. XX в.

The article analyzes social and creative activity of the youth in the 70-ies – 80-ies (first half) of the twentieth century.

Повышение уровня общего и профессионального образования молодежи Белоруссии в исследуемый период сопровождалось стремлением к творчеству, развитием инициативы. При этом данная тенденция проявлялась во всех группах молодежи, начиная от рабочего и заканчивая учеными.

Партийно-государственное руководство республики осуществляло поиск новых форм развития творческой активности молодых людей. Были приняты постановления, направленные на подключение к этой работе трудовых коллективов. Определенный импульс политико-воспитательной работе в трудовых коллективах придало принятое 21 января 1972 г. Постановление ЦК КПСС «О работе партийной организации Минского тракторного завода по повышению производственной и общественно-политической активности трудового коллектива». На заседаниях обкомов, горкомов, райкомов КПБ анализировалась деятельность первичных парторганизаций по развитию творческой активности трудовых коллективов.

В трудовых коллективах промышленных предприятий создавались благоприятные условия для проявления творчества, поддерживалась инициатива и новаторство молодых рабочих. К примеру, широкий резонанс в 70-е годы на предприятиях г. Бреста получил почин слесаря электромеханического завода Б. Юзефовича «Задание пятилетки – за четыре года, задание пятидневки – за четыре дня». Говоря о судьбе данного почина, необходимо отметить, что Б. Юзефович досрочно выполнил задание пятилетки. Свою производственную активность он успешно сочетал с выполнением обязанностей депутата Верховного Совета СССР.

Принятие молодыми рабочими личных комплексных планов повышения производительности труда проходило на целом ряде предприятий республики: Минском мото-